

Государственный советник юстиции 2 класса, заслуженный юрист РСФСР Гущин Иван Павлович — участник Великой Отечественной войны. Освобождал Советскую Белоруссию и Польшу. Награжден орденами и медалями. В настоящее время — прокурор Алтайского края.

И. П. Гуцин

**ТЕНЬ
ПРОШЛОГО**

ЗАПИСКИ ПРОКУРОРА

*Барнаул
Алтайское книжное издательство
1990*

■

Реабилитировать... посмертно

Все началось с обычного письма. Стандартный лист бумаги исписан с обеих сторон. Автор — Головинова Таисия Тимофеевна, 1911 года рождения, проживающая в Алма-Атинской области. Свое письмо она назвала заявлением, и оно этому соответствует, поскольку содержит просьбу. Однако по содержанию оно больше походит на автобиографию, написанную горечью пережитого.

Таисия Тимофеевна просит пересмотреть дело ее мужа Головинова Павла Андреевича, осужденного в 1937 году. Она подробно описывает события тех дней.

Жили они в с. Михайловке Усть-Калманского района, где и родились. Было у них трое детей — сын и две дочери. Павел работал в колхозе. Был беспартийным. В июне 1937 года председатель колхоза Мамонов Леон приехал на покос, где колхозники убрали сено, и увез Павла Андреевича в район. На другой день жена поехала к нему, но только через три дня ей разрешили свидание. Муж очень переживал и утверждал, что это недоразумение, что он невиновен и не знает за что арестован. Они попрощались и больше уже не встретились.

В то время в селе было арестовано несколько мужчин и три женщины. Из мужчин Таисия Тимофеевна помнит по фамилии Филонова и Шалаева, а из женщин — Кузнецову Анну, которая через десять лет вернулась, но о Павле ничего не знает.

С тех пор семье ничего не известно об отце и муже. Им ясно одно — его нет в живых. Женщина утверждает: «...Какой же он враг, он неграмотный крестьянин. Это враги его арестовали и погубили невинных». Таисия Тимофеевна просит, если вопрос о пересмотре дела на мужа решится положительно, выслать ей такой документ.

Юристам сегодняшнего дня представляется странным, если не сказать парадоксальным, держать в руках и тем более изучать дела, «расследованные» органами НКВД в те, прошлые годы, именуемые сегодня трагическими. Я не случайно слово расследованные взял в кавычки. Поскольку, как такового расследования с соблюдением всех норм уголовно-процессуального закона не было.

Все уголовное дело по обвинению Головинова в контрреволюционной деятельности вместилось в 18 листов. Начинается оно с ордера, выданного сотруднику Солодову, которому поручалось произвести обыск и арест Головинова. Неразборчивая подпись начальника ОНКВД и круглая печать. Из протокола видно, что «...при обыске ничего не оказалось...». На второй день после задержания выносится постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения.

По закону привлечь в качестве обвиняемого можно лишь тогда, когда собрано достаточно доказательств. Не допросив ни одного свидетеля, они будут допрошены позже, уполномоченный районного отдела НКВД Полухин в постановлении указал, что Головинов достаточно изобличается в том, что он обманным путем пролез в колхоз «Реввоенсовет», где систематически вел агитацию среди колхозников, направленную на разложение колхоза и срыв мероприятий, проводимых партией и Советской властью, а поэтому постановил привлечь Головинова в качестве обви-

няемого по ст. 58—10—11 УК РСФСР. С этим постановлением согласился начальник отдела Заровный.

Спустя десять дней Головинов допрашивается в качестве обвиняемого. Подпись Головинова есть на всех страницах протокола. Вспоминаю письмо его жены, которая писала, что ее муж неграмотный. Да, это очевидно, его каракули говорят сами за себя.

Головинову предлагается рассказать свою биографию. Не теряя рассудительности и спокойствия, он повествует о том, что с малолетнего возраста проживал с родителями в селе Михайловке Усть-Калманского района Западно-Сибирского края. Какое имели хозяйство до революции родители, он не помнит и сказать не может. Отец умер в 1932 году. Братья, а их у него шестеро, проживают отдельно.

На втором вопросе мирное и располагающее собеседование резко обрывается. Допрашивающий ставит вопрос в лоб о том, что обвиняемый, проживая в Михайловке, систематически среди колхозников вел контрреволюционную агитацию на подрыв Советской власти. И отдельной строкой: «Признаете ли Вы в этом себя виновным?..» Не могу утверждать, задавался ли этот вопрос так, как записан, а если и задавался, то понял ли его смысл Головинов. Ответ обескураживает. В конце страницы есть та же самая пляшущая подпись Головинова — это как бы является подтверждением того, что он читал написанное, или это зачитал ему следователь. Но вряд ли это было так. Для большей убедительности или, наоборот, большего сомнения воспроизведу ответ дословно:

«...Да, будучи враждебным к Советской власти, я систематически вел контрреволюционную агитацию среди колхозников. Говорил, что Советская власть неверно делает — грабит кулаков. Рассказывал о ско-

Павел Андреевич Головинов

рой гибели Советской власти, так как Япония уже забрала Дальний Восток. Говорил о трудной жизни крестьян в колхозе, что это все зависит от Советской власти, и даже выступал на общем колхозном собрании против подписки на заем обороны страны...»

Вот такой признательный ответ в совершении тяжкого преступления. Очевидно, такое «признание» удовлетворило следователя, поскольку третий вопрос был уже о других лицах, выступавших против Советской власти.

Последовали также подробные ответы с указанием места, времени и даже цели контрреволюционной организации. Именно организации, непонятно как и откуда появилось это слово, так как ни в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, ни в других документах его не было: «...цель нашей организации развалить колхозы и забрать изъятое у нас имущество...»

Можно позавидовать следователю, так легко «расколовшему» врага народа, который на первом же допросе во всем признался.

Уверен, что было совсем иначе. Не обошлось без шантажа, запугивания, подтасовки, а может быть, и физического воздействия, чтобы из неграмотного, темного человека сделать «контрреволюционера».

Свидетелей по делу Головинова немного, всего трое. Малограмотный колхозник Костылев, бывший крестьянин-середняк, Мамонов — крестьянин-бедняк и заместитель председателя колхоза Малютин. Их показания, как близнецы, похожи друг на друга. На одном листе желтой шероховатой бумаги вместились и их биографические данные, и показания, уличающие Головинова Павла Андреевича в преступной деятельности.

Они сводятся к тому, что когда на общем собрании колхозников обсуждался вопрос о реализации займа обороны страны, в прениях выступил Головинов и заявил, что не возьмет займа, и призывал не брать других.

С такой же речью выступила его жена. Но колхозники «разоблачили» истинное лицо классового врага и подписались все как один. Также сообщили, что Головинов в феврале 1937 года отказался ехать на заготовку дров, требуя, чтобы ему вернули тулуп и корову, которые у него изъяли. Вспомнили они и

летний эпизод, когда Головинов с Салогубовым за день заготовляли по 60 центнеров сена, тогда как Жилияков — по 70—80 центнеров.

10 августа начальник Усть-Калманского отдела милиции Афонасов допросил заместителя председателя колхоза «РВС» Малютина, часть его показаний целесообразно воспроизвести дословно. «...Головинова Павла я хорошо знаю. В прошлом он в селе Михайловке был членом кулацкого хозяйства. В 1929 г. был раскулачен и выслан в Нарым. Примерно в феврале месяце 1936 года он каким-то образом появился снова в нашем селе и пролез в колхоз и сразу же, чувствую, что он ведет контрреволюционную агитацию, так как среди колхозников стала падать трудовая дисциплина, нормы выработки выполнять не стали... Все наши желания наладить трудовую дисциплину и увеличить нормы выработки не умели успеха, и причину этому мы не нашли...»

К делу приобщается еще два документа, это справка, подписанная председателями сельского Совета и колхоза, из которой усматривается, что Головинов сбежал с Нарыма. В колхозе порученную работу не выполнял, а требовал снабжения его хозяйством, чем разлагал трудовую дисциплину. И второй документ — справка об имущественном положении жителя, из которой видно, что годовой доход от единоличного хозяйства до 1929 года у Головинова составляет от отработки земли — 1200 руб., от подсобных хозяйств — 1200 руб., от скотоводства — 1000 руб. В графе социальное положение с большой буквы записано: «Кулак». В графе, требующей ответить лишался ли избирательных прав и по каким признакам, имеется запись: «...лишен и выслан, как эксплуататор». Справка заверена двумя подписями и гербовыми печатями сельского и районного исполкома.

На этом предварительное расследование заканчивается.

В законе установлено, что обвинительное заключение является процессуальным актом, которым завершается предварительное следствие. В этом документе должны содержаться выводы следствия, к которым оно пришло, анализ доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение. Причем должны излагаться не только обстоятельства дела, но и конкретные доказательства, подтверждающие наличие преступления и виновность обвиняемого. В обвинительном заключении необходимо привести и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Однако документ, находящийся в деле Головинова, не соответствует этим требованиям. Есть необходимость вернуться к этому обвинительному заключению и прокомментировать его. Оно начинается с того, что в Усть-Калманское РО НКВД поступил материал о том, что бывший кулак Головинов П. А., работая в колхозе «Реввоенсовет», систематически проводит контрреволюционную агитацию, и в скобках имеется ссылка на листы дела 9—11. Не трудно вернуться к этим листам и еще раз перечитать показания свидетелей, которые приводились выше. Однако и невооруженному глазу видно, что такая запись не соответствует материалам дела. Ордер на арест и обыск Головинова был подписан 28 июля, а свидетели были допрошены 11 августа, то есть спустя 13 дней.

Значит, никакого материала в органы на день ареста Головинова не поступало. Арест, обыск и само производство предварительного следствия являются противозаконными.

Не выдерживает никакой критики утверждение в том, что Головинов, как кулак, был выслан в Нарым, откуда бежал и «пролез» в колхоз. Во-первых, в деле

отсутствуют документы, что П. Головинов раскулачивался. Да и не мог он этому подвергнуться, так как в 1930 году было ему неполных 18 лет и проживал он в многодетной семье отца. Он не был владельцем ни кулацкого, ни какого другого хозяйства.

Поэтому нужно признать, что даже по тем временам его высылка в Нарым была незаконна. А за этим следует, что никакого побега с места ссылки не было, хотя провел он в Нарыме четыре года.

Надуманно и обвинение в том, что он «пролез» в колхоз. В деле нет данных, что он принимался в члены колхоза, однако во всех официальных документах и протоколах допроса о нем говорится как о колхознике, значит он принимался в колхоз. Члены правления и колхозники хорошо были осведомлены о личности Головинова, поскольку он уроженец и коренной житель Михайловки.

И последнее, самое серьезное, содержащееся в обвинительном заключении, что Головинов среди колхозников проводил контрреволюционную агитацию о скорой гибели Советской власти, о возврате изъятого у него при раскулачивании имущества, то есть о совершении им преступления, предусмотренного ст. 58—10—11 УК РСФСР.

Чтобы квалифицировать его действия по ст. 58 УК под значком 10, нужно было наличие контрреволюционного умысла, причем с использованием религиозных, национальных предрассудков или военного времени, однако ничего этого на предварительном следствии добыто не было и не содержится в обвинительном заключении.

Статья 58 УК под значком 11 предполагает участие обвиняемого в контрреволюционной организации. Предварительное следствие должно было установить наличие такой организации, руководителя и ее

преступный замысел. Однако ни в одном протоколе допроса, ни в других документах нет и намека на существование в Усть-Калманском районе такой преступной организации. Правда, на листе дела № 8 в конце допроса Головинова есть его ответ на вопрос следователя, где он говорит, что руководителя контрреволюционной группы не знает, так как все были единомышленниками по своим убеждениям и вели агитацию среди более надежных колхозников.

Таким образом, обвинительное заключение в полном объеме не соответствовало материалам уголовного дела. В действиях Головинова состав преступления по ст. 58—10—11 УК РСФСР отсутствовал. В этом деле нет обычного протокола об окончании предварительного следствия, об ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела. Отсутствует список свидетелей, подлежащих вызову в суд, не приобщаются личные документы и вещественные доказательства.

Завершает все производство по делу подшитый темно-синий конверт без каких-либо надписей. Именно в нем находится развязка трагической судьбы Головинова.

Всего две бумажки, поблекшие от времени, вместили самые страшные слова несправедливости и беззакония.

Одна из них называется Выпиской из протокола заседания «тройки» управления НКВД Запсибкрая от 7 сентября 1937 года. В левой части в графе «слушали» напечатана фамилия, имя, отчество и анкетные данные Головинова и три слова: «...вел контрреволюционную агитацию». В правой части в графе «постановили» — прописными буквами с интервалами: «Расстрелять». Чуть ниже — приписка: «Личное имущество конфисковать. Дело сдать в архив».

Была ли необходимость в столь суровой мере социальной защиты? Ответ может быть только один — даже по тем временам это было несправедливо, крайне жестоко.

Напрашиваются десятки вопросов: где же судебное следствие, протокол судебного заседания, в котором должно быть указано место и дата заседания, состав суда, разъяснение права на защиту, допрос свидетелей, исследование других доказательств, судебные прения, разъяснение права на обжалование? Ничего этого нет. Сплошное нарушение законности, самый настоящий произвол.

Второй документ называется Выпиской из акта от 17 сентября 1937 года о расстреле Головинова, где указано, что приговор приведен в исполнение в 16 часов, и подпись сотрудника оперштаба, фамилия начинается с буквы «К», однако поблекшие зеленые чернила сейчас уже нельзя прочитать.

На одиннадцатый день приговор о применении исключительной меры наказания был исполнен. Нужна ли была такая поспешность? Опять ответ отрицательный. Не был Головинов социально опасен, нельзя было не дать ему права на обжалование.

Дело Головинова П. А. поступило в прокуратуру края 16 апреля 1988 года. Результаты изучения читателям известны. Все эти доводы и были положены в основу протеста.

Постановление УНКВД от 7 сентября 1937 г. в отношении Головинова П. А., утверждается в протесте, подлежит отмене, а дело прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления. Поскольку обвинение его построено в основном на признании им вины. Допрошенные по делу свидетели дают неконкретные показания, в большинстве своем основанные на предположениях.

4 мая дело вместе с протестом было направлено в президиум Алтайского краевого суда.

Члены президиума единогласны в том, что высказывания Головинова о трудностях жизни, недостатках в работе колхозов и отказ от подписки на заем не могут быть квалифицированы как контрреволюционная пропаганда и в них отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 58—10—11 УК РСФСР.

Руководствуясь ст. 378 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР президиум решил постановление «тройки» УНКВД Алтайского края в отношении Головинова Павла Андреевича отменить, а дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Чтобы окончательно завершить производство по этому делу, оставалось совсем немного: подшить к делу заявление вдовы Головинова, протест прокурора, постановление президиума и вернуть дело в архив. Нужно еще выполнить просьбу заявительницы и сообщить ей о результатах пересмотра.

Чем же мне утешить близких Головинова, разве тем, что пообещать возмездия над виновными в гибели их мужа и отца? Но, к сожалению, этого я сделать не смогу.

Попытался было установить кого-либо из бывших оперов и следователей — неудачно. Фамилии есть, но нет полных имен, отчеств, года рождения. Да и простой подсчет возраста говорит, что им сегодня было бы далеко за восемьдесят. Фамилии их я назвал, и если кто еще жив, пусть покопаются в прошлом, вспомнят 1937 год и хоть мысленно признают свою вину перед Головиновым, его семьей, всеми, кому они принесли горе.

Не исключаю и того, что кто-нибудь из бывших оперов, доносчиков и клеветников, с подачи которых пострадали невинные люди, уже понесли наказание.

Такое предположение основано на том, что по поручению комиссии Политбюро ЦК КПСС органами прокуратуры пересматриваются подобные дела. Недавно в моих руках оказалось дело, рассмотренное Алтайским краевым судом в 1940 году. К 10 годам лишения свободы был приговорен человек, занимавший ранее довольно ответственный пост, осужден за то, что оклеветал более десятка честных граждан, которым через 8—10 месяцев заключения удалось смыть с себя позорное пятно «врагов народа».

Дело оказалось в прокуратуре по тем же основаниям, что и Головинова, то есть с просьбой пересмотреть и реабилитировать осужденного, только такое заявление прислал сам «необоснованно репрессированный». Материалы этого дела вызывают особый интерес, поэтому рассказ о нем должен быть отдельным.

У некоторых читателей возникнет вопрос, да такие вопросы уже задаются, стоит ли ворошить прошлое? Ответ на это дан в Докладе ЦК КПСС XIX Всесоюзной партийной конференции: «Партия смело пошла на критический пересмотр прошлого, восстановление исторической правды, реабилитацию тех, кто стал жертвой несправедливых политических обвинений и беззакония. Эту работу следует продолжить».

Итак, дело Головинова Павла Андреевича прекращено. Он полностью реабилитирован. Но для того, чтобы сказать всю правду, как бы это ни было горько, необходимо дополнить — реабилитирован посмертно.